Александр Фомин

Дом для вселенной: Шестоднев Иоанна Экзарха и рождение славянской картины мира

Александр Фомин

Дом для вселенной: Шестоднев Иоанна Экзарха и рождение славянской картины мира

https://litres.ru/74747557
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — о доме, построенном для вселенной. О «Шестодневе» Иоанна Экзарха Болгарского — энциклопедии X века, в которой библейский рассказ о шести днях творения соединился с античной наукой, а вера — с разумом. Иоанн не сочинял эти слова: он собрал их из Василия Великого, Севериана и Феодорита, а недостающее покрыл своей соломой — и в этом честном строительстве родилась первая славянская картина мира. Земля в центре, небо вокруг, четыре стихии, климатические зоны, «животный круг» вместо зодиака — всё это впервые зазвучало на славянском языке. Книга проходит путь от Преслава до Киева, от Мономаха до Аввакума, от сербского списка 1263 года до двадцатилетнего труда Айтцетмюллера. Это рассказ о том, как одна книга пережила своих создателей — и продолжает говорить с нами. Для всех, кто любит историю не как набор дат, а

как живые судьбы, и книги — не как текст, а как дом, в который можно войти.

Содержание

Пролог. «Что прекраснее, что сладостнее…» 5
Глава 1. «Бревенчатый дом с мраморным полом»: кто такой Иоанн Экзарх 9
Глава 2. «Шесть дней»: как устроен Шестоднев 16
Глава 3. «Энциклопедия в переплёте»: космос Иоанна Экзарха 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Дом для вселенной: Шестоднев Иоанна Экзарха и рождение славянской картины мира

Пролог. «Что прекраснее, что сладостнее…»

Есть книги, которые начинаются с вопроса.

Эта начинается с изумления.

«Что прекраснее, что сладостнее для боголюбцев, поистине жаждущих вечной жизни, нежели всегда держаться мыслью Бога и помнить благие дела Его?»

Так начинает Иоанн, экзарх Болгарский, свой «Шестоднев». Не «вот вам сведения». Не «вот вам правила». А «что может быть прекраснее?» — и ждёт, пока читатель остановится. Задумается. Поднимет глаза.

Мы привыкли думать, что древнерусская книга — это «поучение». «Надо». «Должен». «Нельзя». И «Шестоднев» действительно учит. Но начинается он не с «надо». Он начинается с восхищения.

Человек X века открывает книгу — и перед ним разво-

рачивается не «текст». А мир. Небо. Земля. Свет. Твердь. Солнце. Луна. Звёзды. Рыбы. Птицы. Звери. И человек — в самом центре. Маленький. Но нужный.

Он читает: «В начале сотворил Бог небо и землю». И вдруг понимает: это не «давно было». Это сейчас. Каждое утро. Каждый день. Каждый вздох.

«Шестоднев» — не энциклопедия фактов. Хотя в нём есть факты: астрономия, география, ботаника, зоология, анатомия. Не учебник. Хотя по нему учились. Не «памятник литературы». Хотя он — памятник.

Это книга удивления.

Иоанн сам говорит, как он её строил. Он не сочинил эти шесть слов. Он собрал их — из Василия Великого, из Севериана, из Феодорита. «Что ему приходилось когда-либо читать, то он и соединил, а недостающее дополнил своими словами». И дальше — образ, который стоит запомнить: он построил «бревенчатый дом с мраморным полом» из чужого материала, а покрыл его своей соломой.

Это не «компиляция» в унизительном смысле. Это строительство. Иоанн знает, где чужое, а где его «солома». И эта честность делает его автором.

Мы будем входить в этот дом медленно. Комната за комнатой. День за днём. Шесть дней творения — шесть глав. Но между ними — остановки. Сцены. Размышления. Отступления. Потому что «Шестоднев» — не «линейный текст». Это живой разговор. С Богом. С миром. С собой.

Мы увидим, как Иоанн работает. Как он берёт Феодорита и правит его. Как он учится у Василия Великого — и перерастает его. Как он ищет слова для того, что не имеет славянского имени. «Животный круг» вместо «зодиака». «Живот» вместо «созвездия». Он создаёт язык — и этот язык остаётся.

Мы увидим, как «Шестоднев» живёт на Руси. Как Владимир Мономах учится у него писать. Как автор «Слова о погибели» берёт его метод — «восхищение мудростью мироустройства» — но наполняет своим содержанием: не «космос», а Русская земля. Как протопоп Аввакум, сидя в Пустозерске, держит его при себе и находит в нём опору.

Мы увидим, как учёные открывают его заново. Как Калайдович в 1824 году вводит его в науку. Как Попов в 1879-м издаёт древнейший список. Как Айтцетмюллер двадцать лет реконструирует текст. Как Баранкова сравнивает списки. Как Мильков осмысляет его как памятник философской мысли.

Мы увидим, как «Шестоднев» спорит с другими книгами. С «Христианской топографией» Козьмы Индикоплова, которая говорит: земля плоская. А «Шестоднев» говорит: сфера. И древнерусский читатель держит обе. Не «выбирает». А вмещает.

Для кого эта книга? Для тех, кто любит историю не как «даты и схемы», а как живые судьбы. Для тех, кто любит книги не только читать, но и рассматривать. Для тех, кто думает,

что наука — это скучно, и хочет убедиться в обратном. Для тех, кто хочет понять, откуда есть пошла славянская картина мира. И для тех, кто уже читал «Книгу для души» — о «Изборнике 1076». Чтобы увидеть: вот вторая книга. Не «тишина». А свет.

Почему сейчас? Потому что «Шестоднев» далеко не изучен. Потому что спорят о его источниках. О его авторе. О его читателях. Потому что наука не закончена. Она продолжается. И мы можем в ней участвовать. Хотя бы — читая.

Потому что свет, собранный в этой книге, всё ещё нужен. И мы можем его увидеть. Не через мистику. Не через чудо. А через труд. Через внимание. Через любовь.

Эта книга — не для того, чтобы «узнать факты». Факты можно найти в энциклопедии. Она — для того, чтобы удивиться. Услышать. Увидеть. Понять.

Мы не будем «проходить» «Шестоднев». Мы будем входить в него. Медленно. Внимательно. С уважением. Как входили в дом в X веке. С порога. С молитвой. С открытым сердцем.

И может быть — в конце — вы увидите свет. Тихо. Сквозь тысячу лет. «Что прекраснее, что сладостнее…» И вы не побоитесь. Потому что поймёте: это — не «догма». Это — жизнь. Это — поиск. Это — свет.

Дверь открыта. Свет уже горит.

Идём.

Глава 1. «Бревенчатый дом с мраморным полом»: кто такой Иоанн Экзарх

Его имя мы встречаем на страницах древних рукописей. «Иоанн, экзарх Болгарский». Или короче: «Иоанн Экзарх». Иногда — с добавлением, которое он сам оставил: «грешный Иоанн».

Но за этим именем — почти ничего. Мы не знаем, когда он родился. Не знаем, когда умер. Не знаем, как выглядел. Не знаем, был ли у него дом, семья, дети. Мы не знаем даже, где именно он работал — в Преславе? В Охриде? В каком-то монастыре, название которого не сохранилось?

Мы знаем только то, что он сам сказал о себе. И то, что можно восстановить по его трудам.

Что мы знаем

Он жил в Болгарии. В конце IX — начале X века. В эпоху царя Симеона — того самого, которого называют «великим», «мудрым», «книголюбом». Того, кто хотел, чтобы Болгария стала «новым Царьградом», центром христианской культуры, светом для всех славян.

Он был экзархом. Что это значит? Согласно Дуйчеву, это «архимандрит, глава монашеского общежития» — то есть игумен одного из крупных болгарских монастырей. Человек не просто «грамотный». Человек ответственный. За братию. За порядок. За просвещение.

Он был учёным-просветителем, экзегетом, переводчиком — так определяет его Александр Мень в «Библиологическом словаре». Его образование и культура указывают на византийскую школу. Он знал греческий. Он читал в подлиннике. Он был эрудитом — в том смысле, в каком это слово применимо к человеку X века.

И он был писателем. Не «переписчиком». Не «компилятором» в унизительном смысле. А автором, который создал — или, точнее, построил — один из самых значительных трудов славянского Средневековья.

Чего мы не знаем

Мы не знаем, как он выглядел. Не знаем, каким голосом говорил. Не знаем, любил ли он утренний свет или предпочитал работать при свече. Не знаем, что он чувствовал, когда заканчивал свой труд. Облегчение? Радость? Пустоту?

Мы не знаем, почему он стал экзархом. Был ли он назначен на эту должность? Или выбран братией? Или получил её по наследству — если такое было возможно в те времена?

Мы не знаем, как сложилась его жизнь после «Шестодне-

ва». Продолжал ли он писать? Учил ли он других? Умер ли он в мире — или в опале?

Историки спорят. Одни говорят: он был приближённым царя Симеона. Другие: он был отшельником, который писал в тишине кельи. Третьи: мы не знаем.

Но вот что мы знаем точно. Он оставил след. И этот след — не «имя в летописи». Это книга. Живая. До сих пор.

Сцена: в скриптории

Раннее утро. Преслав. Или Охрид. Или другой город, название которого мы не знаем. В деревянной палате, где работают книжники, пахнет воском, чернилами и сыростью. Окна маленькие — света мало. Приходится зажигать свечи. Они горят неровно, мерцают. Тени дрожат на стенах.

За столом сидит человек. Ему около сорока. Может быть, больше. Лицо — спокойное, внимательное. Руки — твёрдые. Это Иоанн.

Перед ним — книги. Много книг. Греческие. Тяжёлые. В кожаных переплётах. Василий Великий. Севериан Гавальский. Феодорит Кирский. Иоанн Златоуст. Ефрем Сирин. Он листает их. Читает. Сравнивает. И думает.

Он думает о том, что не может просто переписать одну из них. Потому что каждая — своя. У Василия — глубина и мощь. У Севериана — простота и ясность. У Феодорита — точность и краткость. И все они — нужны. Но вместе их нет.

И он решает: собрать. Не «склеить». А построить. Взять лучшее. Отбросить лишнее. Соединить то, что не соединялось. И добавить своё.

Он берёт перо. Обмакивает в чернила. И начинает.

Метафора дома

Иоанн сам объясняет, что он делает. В Прологе он пишет: он не сочинил эти слова. Он собрал их — «от Евсамера святого Василиа» и других отцов. А недостающее дополнил своими словами.

И дальше — образ, который стоит запомнить:

«Если кто-то построит дом из брёвен и покроет его мрамором, и будет он красив и прочен, — но если не покроет его соломой, то не будет он тёплым. Так и я: собрал брёвна и мрамор, а покрыл своей соломой».

Это не «жалоба». Это точное описание его метода. Он строитель. Он знает, где чужое, а где его «солома». И эта честность делает его автором.

Потому что компилятор не говорит: «Я покрыл своей соломой». Он говорит: «Я переписал». А Иоанн различает. Он видит границу между чужим и своим. И не боится её обозначить.

Почему это не «компиляция»

Мы привыкли думать, что «компиляция» — это «плохо». Что «автор» — это тот, кто всё придумал сам. Что «оригинальность» — это высшая добродетель.

Но в X веке всё было иначе. Буланин в статье «О некоторых принципах работы древнерусских писателей» показывает: в средневековой культуре литературный вымысел не ценился. Писатель — не «сочинитель», а «передатчик» вечных идей. Он не создаёт новое, а сообщает то, что уже существует.

И ещё: «В литературу проникало лишь то, что было подчинено литературному этикету». То есть отбор материала был не случайным, а сознательным.

«Шестоднев» — это не «сборник цитат». Это огромный «цитатник», в который Иоанн встроил и собственные «слова». Например, IV Слово, где его голос звучит наиболее отчётливо. Баранкова (1973) показала: «значительная часть этого Слова написана самим Иоанном экзархом», и именно поэтому оно «особенно интересно для детального исследования».

То есть Иоанн — не «переписчик». Он мастер, который знает, что и зачем он собирает. Он выбирает. Он соединяет. Он добавляет. И в этом — его авторство.

Что он создал

«Шестоднев» — это шесть слов. По одному на каждый день творения. Плюс Пролог. В каждом слове — библейский текст. И — античная наука. И — нравственный урок. И — полемика с еретиками.

Это не «энциклопедия». Это дом. С «бревенчатыми стенами» (Василий), «мраморным полом» (Севериан), «окнами» (Феодорит). И с «соломой» Иоанна — тем, что делает дом тёплым.

Прохоров в «Словаре книжников» называет «Шестоднев» Иоанна «самым значительным» среди всех «Шестодневов». Не «одним из». А самым. И это — не «лесть». Это точная оценка.

Потому что Иоанн сделал то, что не удалось никому до него. Он соединил веру и разум. Библию и Аристотеля. Космос и человека. И не потерял ни того, ни другого.

Финал: он не пишет, он строит

Иоанн заканчивает строку. Откладывает перо. Смотрит на свою работу. Долго. Не двигается. Не думает. Просто смотрит.

На пергаменте — текст. Греческие слова. Болгарские сло-

ва. Его слова. Всё вместе. И всё — своё.

Он не улыбается. Он просто сидит. И строит. Бревно за бревном. Слово за словом. Дом для вселенной.

А потом встаёт. И идёт к окну. Смотрит на небо. Там — свет. Утренний. Новый. И он знает: это — первый день. И его день тоже.

Глава 2. «Шесть дней»: как устроен Шестоднев

Слово «Шестоднев» мы слышим впервые — и оно кажется странным. Не «книга». Не «поучение». Не «слово». А «Шестоднев». Шесть дней.

Это не название одной книги. Это жанр. Так называли свои труды многие авторы — и до Иоанна, и после него. И чтобы понять, что именно построил Иоанн, нужно сначала увидеть, из чего он строил. А строил он не на пустом месте.

Что такое «Шестоднев»

«Шестоднев» — это толкование на первые главы Книги Бытия. На те самые шесть дней, за которые Бог создал мир. Но не просто «пересказ». Это комментарий, в котором библейский текст разворачивается — и в нём открывается всё: небо и земля, свет и тьма, вода и твердь, растения и животные, человек.

Прохоров в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» определяет жанр так: «Шестодневы — произведения, комментирующие библейский рассказ о сотворении мира за шесть дней». И добавляет важное: авторы «Шестодневов» рассматривают природу как «училище боговедения» и ста-

раются вызвать в читателе «удивление и восхищение „сотворенным“».

Это не «энциклопедия фактов». Это школа изумления. И Иоанн — не первый, кто в ней учился. Но, может быть, лучший из её учеников.

Четыре голоса

Прохоров выстраивает иерархию «Шестодневов». Их несколько — и у каждого свой голос.

Первый — Василий Великий (329–379). Архиепископ Кесарийский. Его «Беседы на Шестоднев» — одиннадцать бесед. Это источник. Глубокий. Мощный. Трудный. Василий не «объясняет» — он восходит от творения к Творцу. Его стиль — длинные, развёрнутые периоды. Его мысль — богословская глубина. Его цель — прославить Создателя.

Второй — Севериан Гавальский (IV — 1-я треть V в.). Епископ. Его «Шестоднев» — семь слов, по одному на день. Это упрощение Василия. Севериан берёт сложное и делает его понятным. Его стиль — проще. Его мысль — яснее. Его цель — научить.

Третий — Георгий Писида (VII в.). Византийский поэт. Его «Шестоднев» — стихи. 1910 ямбов. «Похвала к Богу о сотворении всеа твари». Это поэзия. Не «толкование», а гимн. Его цель — воспеть.

Четвёртый — Иоанн Экзарх (вторая половина IX — пер-

вая треть X в.). Болгарский книжник. Его «Шестоднев» — синтез. Он берёт всё — и соединяет. Василия. Севериана. Феодорита. И добавляет своё.

Прохоров называет его «самым значительным». Не «одним из». А самым. И это — не «лесть». Это точная оценка.

Сцена: три книги на столе

Иоанн сидит в скриптории. Перед ним — три книги. Тяжёлые. Греческие. В кожаных переплётах.

Он открывает первую — Василия. Читает. Медленно. Вслух. Как читали в древности. И чувствует: это — мрамор. Глубокий. Прочный. Красивый. Но холодный. Василий восхищает, но не согревает.

Он открывает вторую — Севериана. Читает. И чувствует: это — бревно. Простое. Тёплое. Надёжное. Севериан объясняет, но не восхищает.

Он открывает третью — Феодорита. Читает. И чувствует: это — окно. Через него видно мир. Феодорит показывает, но не учит.

И он думает: «А что, если соединить? Взять мрамор Василия. Брёвна Севериана. Окна Феодорита. И построить дом. Чтобы было и красиво, и тепло, и светло».

Он берёт перо. И начинает строить.

Что именно он берёт

Лягрейд в своей работе о риторическом стиле «Шестоднева» (1965) показывает, как тонко Иоанн работает с источниками. Это не «копирование». Это выбор.

У Феодорита он сохраняет простой синтаксис. Но опускает некоторые фигуры — например, трёхчастные конструкции. Почему? Потому что содержание важнее формы. Он не хочет, чтобы красота слова заслоняла смысл.

У Севериана он сокращает или сглаживает «диатрибу» — живую, полемическую речь с вопросами и ответами. Почему? Потому что она кажется ему чрезмерной. Он выбирает ту интонацию, которая уместна.

У Василия он учится. Но перерастает его. Лягрейд отмечает: Иоанн свободно переводит Василия, иногда даже затемняя смысл. И именно в этих свободных переводах видно его стилистические устремления. Он впитывает манеру Василия — и воспроизводит её в собственных оригинальных пассажах.

Это даёт нам образ: Иоанн — не «переписчик». Он ученик, который стал мастером. Он учится у Василия — и пишет сам.

Фигуры мысли и фигуры слова

Лягрейд делает тонкое наблюдение, которое стоит запомнить. Она разделяет риторические фигуры на две группы — и показывает, как Иоанн с ними обращается.

Фигуры мысли — антитеза, сравнение, сомнение, пример — Иоанн сохраняет тщательно и последовательно. Для него важно содержание мысли, её логика и убедительность.

Фигуры речи — трёхчастные конструкции, анафора, эпифора — Иоанн не передаёт систематически, а иногда полностью опускает. Он избегает того, что можно назвать «формой ради формы».

Это значит: Иоанн — ритор, но не «краснобай». Он использует риторику как инструмент убеждения, а не как самоцель. И это делает его ближе к современному читателю, чем «византийский стилист», увлечённый игрой слов.

«Расширение выражения»

Но есть у Иоанна и свой приём. Лягрейд называет его «расширением выражения». Это проявляется в:

Парах синонимов: «красити и славити», «радовати се и веселити се».

Повторах с разными приставками или одним корнем: «ис-

ходяшто и въсходяшто».

Этимологических фигурах.

Этот приём Иоанн переносит даже в переведённые пассажи. И это делает его узнаваемым как автора. У него свой ритм. Своя манера «расширять» и украшать речь. И она сохраняется даже тогда, когда он работает с чужим текстом.

Как устроен «Шестоднев»

Структура «Шестоднева» — проста и величественна одновременно.

Пролог. Иоанн обращается к читателю. Говорит о цели труда. О любви к Богу. О красоте мира. Это — вход в дом.

Шесть Слов. По одному на каждый день творения.

Слово первое — о свете. О тьме. О воздухе. О природе света.

Слово второе — о тверди. О небе. О водах.

Слово третье — о земле. О растениях. О морях.

Слово четвёртое — о светилах. Об астрономии. О календаре.

Слово пятое — о рыбах. О птицах. О животных.

Слово шестое — о человеке. Об анатомии. О нравственности.

И в каждом Слове — три слоя. Библейский текст. Античная наука. Нравственный урок. И ещё — полемика с еретиками. Потому что «Шестоднев» — не только «о мире». Он

ещё и о борьбе за мир. За правильное понимание мира.

Финал: шесть комнат

Иоанн откладывает перо. Смотрит на список того, что должно быть написано. Шесть Слов. Шесть комнат. И каждая — ещё не построена. Только намечена.

Он не улыбается. Он просто смотрит. На список. Долго. Тихо.

А потом берёт чистый лист. И пишет: «Слово первое. О свете».

Потому что дом — не в списке. Дом — в жизни. И чтобы он был, нужно войти. В первую комнату. И зажечь свет.

Глава 3. «Энциклопедия в переплёте»: космос Иоанна Экзарха

Вот мы и внутри. Дверь открыта. Свет горит. Пора оглядеться.

Что мы видим? Не «текст». Не «страницы». А мир. Огромный. Живой. Светящийся. И — упорядоченный. Не «хаос». Не «случайность». А дом. С окнами. С дверями. С смыслом.

Иоанн не просто «описал» этот мир. Он выстроил его. Слово за словом. Образ за образом. И теперь мы можем войти и увидеть.

Что такое «энциклопедия» в X веке

Мы привыкли к слову «энциклопедия». Это «Всё о мире». От «А» до «Я». В одном томе. Но в X веке такого слова не было. И такой книги — тоже.

Было другое. Было стремление — собрать всё, что известно о мире, и соединить это в одно. Не «список фактов». А картину. Цельную. Живую. Где каждая часть связана с другой. Где небо не «отдельно» от земли. Где звезда не «отдель-

но» от человека.

«Шестоднев» — это первая славянская попытка такой картины. И Мильков в «Новой философской энциклопедии» (2010) называет его «энциклопедическим по своему характеру трудом». А Баранкова (1978) — «своеобразной естественнонаучной и философской энциклопедией своего времени».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.